

НЕДОПОНИМАНИЕ УЧЕБНОГО ТЕКСТА, СВЯЗАННОЕ С ПРОБУЖДЕНИЕМ ЛОЖНОЙ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА

В.Г. Кульпина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва

Проблемы с пониманием учебного текста студентами нередко связаны с восприятием текста по внутренним формам слов и их ассоциативным связям, а не по их актуальным значениям. На некоторые классы лексики полезно обратить особое внимание с точки зрения нежелательности их восприятия по внутренним формам. Среди затрагиваемых в статье языковых явлений общенаучные термины, грамматические конструкции и антропонимы. Эти языковые явления представлены как пример трудностей с переводом.

Ключевые слова: понимание текста, учебный текст, внутренняя форма слова, перевод, русский язык, польский язык.

С точки зрения непонимания или недопонимания могут быть выделены целые пласты лексики, особенно подверженной определенному типу искажениям в процессах формирования смысла при переводе. Возникающие при этом издержки могут оказаться весьма велики. Проблемам понимания в указанных аспектах посвящено немало трудов (см., напр.: [Понимание в коммуникации, 2009; Сидорова, 2008]). При рассмотрении проблем понимания ставится задача «выявить общий теоретико-познавательный статус понимания как универсального познавательного процесса» [Гусев, Тульчинский, 1985: 7].

Проблемы с пониманием текста проявляются в том числе тогда, когда текст воспринимается по внутренним формам слов и ассоциативным связям, а не по актуальным значениям. В таких случаях неверно понятая внутренняя форма (мотивационная структура слова) нередко становится источником паронимической аттракции. Проблематика восприятия слов по их внутренним формам, безусловно, перекликается с понятием ложных друзей переводчика.

Однако последнее анализируется в другой системе координат в контексте межъязыковой асимметрии (см. [Гарбовский, 2004: 324–350]), включающей в том числе случайные явления, в то время как анализ, представленный в статье, касается именно неверных прочтений внутренней формы слова и ориентирован исключительно на регулярные и прогнозируемые ошибки в переводческих транспозициях.

Определения внутренней формы слова не являются полностью устоявшимися и однозначными – несмотря на то, что сам термин *внутренняя форма слова* – впервые появившийся в трудах В. фон Гумбольдта, развивавшийся в трудах А.А. Потебни, А. Шпета и других исследователей и открывавшийся все новыми гранями, давно вошел в лингвистический обиход и в исследовательских кругах достаточно часто встречается. В его дефинициях принято выделять следующие аспекты: «семантическая и структурная соотнесенность составляющих слово морфем с др. морфемами данного языка: признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения слова» [ЛЭС: 85].

Как обучить студентов, чтобы они не пробуждали внутреннюю форму слова? Принципиально этому посвящен весь курс обучения переводу на материале близкородственных языков. И таким образом, проблема ненужного пробуждения внутренней формы слов рассматривается как базовая категория дидактики и методологии перевода. Решение этой проблемы трактуется как часть становления механизмов понимания при обучении иностранному языку, а адекватный перевод текста – как критерий его понимания. Материалом для анализа послужили учебники польского языка для иностранцев и эмпирический материал, собранный на занятиях по польскому языку на гуманитарных факультетах МГУ имени М.В. Ломоносова.

Не претендуя на освещение проблематики внутренней формы на категориальном уровне – чем по следам Вильгельма фон Гумбольдта языковеды занимаются уже 200 лет (см.: [Гумбольдт, 1984: 118–119, 216]), остановлюсь лишь на отдельных моментах на частном учебном материале межъязыковых дивергенций. Явление оживления внутренней формы слова на

основе ошибочных ассоциаций охватывает все языковые уровни и лексические классы. И хотя невозможно учесть все образующиеся при этом типы межъязыковых дивергенций, некоторые из них могут быть представлены достаточно наглядно.

Учебный перевод в уменьшенном масштабе, но в то же время вполне рельефно демонстрирует те трудности, которые могут обозначиться при выполнении профессионального перевода. Рассмотрим лексический класс общенаучных терминов как пробуждающих ложные ассоциации при переводе.

В условиях учебного перевода общенаучных терминов у студентов не возникает сомнений, как перевести с польского такие, к примеру, заимствованные лексемы-интернационализмы, как *korespondencja*, *konfrontacja*, *inteligencja*, понимаемых, как *корреспонденция* (переписка), *конфронтация* (как конфликтная ситуация) и *интеллигенция* и др. При этом отсутствие сомнений – не лучшее подспорье в переводческой работе. Задача преподавателя – именно зародить у студентов сомнения в понимании и толковании общенаучных терминов, особенно если они категорически не хотят ложиться в контекст. Семантика этого класса лексики в научном тексте нередко оказывается непонятна, и лишь тонкое «вслушивание» в контекст употребления терминов и, конечно, обращение к терминологическим общенаучным словарям (см.: [ПРОС]) помогает осознать их интенционал. Между тем вполне возможны проблемы с пониманием терминов, связанные с неверным толкованием их внутренней формы, иными словами, с ее «прочтением» в соответствии с закрепившейся в русском языке семантикой этих слов и отсюда с ложными ассоциациями, помещающими их в неверный контекст. Так, словосочетание *korespondencja terminów różnych szkół naukowych i systemów wiedzy* ‘соответствие терминов разных школ и систем знаний’ предполагает проблему соответствия разных систем знания у разных авторов как представителей разных научных школ – и никак не связана со словом *korespondencja* в значении ‘*переписка*’. Сочетание *konfrontacja stanowisk* ‘сопоставление точек зрения’ не предполагает конфликтной ситуации, а анализ точек зрения на предмет

Словосочетание *sztuczna inteligencja* ‘искусственный интеллект’ повествует отнюдь не об интеллигенции как «прослойке общества».

Проблемы с переводом общенаучной лексики в конечном счете проецируются в проблемы перевода любой научной терминологии, поскольку общенаучная лексика входит в состав очень многих отраслевых терминов.

Грамматика нередко становится полем сражений за адекватное понимание текста. С оживлением внутренней формы грамматической конструкции сравнительной степени связано практически регулярное возникновение ошибок в переводе на фоне ложных ассоциаций. Перевод лексикализованных конструкций, «имитирующих» сравнительную степень прилагательного, но по сути своей приобретших вместо сравнительного иное значение – своеобразной относительности, семантики *более или менее, один из совокупности*. Так, например: (1) *To jest dla nas większy problem* (букв. ‘большая проблема’) ‘это для нас *немалая проблема*’; (2) *Rzeszów to większe miasto* (букв. ‘большой город’) на *południu Polski* ‘Жешув – это *крупный* городов на юге Польши’. В предложении (2) семантика относительности заключена в самой лексеме *крупный* – один из больших городов, то есть *крупный*. Описание семантики прилагательного *крупный* см. в «Новом объяснительном словаре синонимов»: «**Крупный** тяготеет к описанию класса или совокупности объектов» [НОС: 51]; (3) *Ważniejszych spraw* (букв. дел важнее) *nigdy nie odkładam na różniej* ‘Дел, которые особенно важны, никогда не откладываю на потом’.

Употребление сравнительной степени прилагательного при отсутствии сравниваемого предмета является постоянным элементом польской лексико-грамматической системы. Ср. аналогичные примеры с другими лексемами: (4) *Proszę o jakąś lepszą kiełbasę* (букв. лучшую колбасу, колбасу получше, более или менее хорошую) ‘Прошу дать мне какую-нибудь колбасу получше’; (5) *To ciekawszy* (букв. более интересный) *film* ‘Это кинофильм один из интересных’; (6) *W wieczornym niebie widziano dłuższy* (букв. более длинный) *przedmiot* ‘В вечернем небе видели продолговатый предмет’.

Именно семантика относительности в отношении чего-либо, семантика *один из какой-то совокупности*, нечто более или менее (важное, интересное и т.п.) характеризует все приведенные выше примеры.

Проблемы понимания имени собственного также могут быть связаны с проблемой его восприятия через призму внутренней формы. Понимание имени собственного заключается в его распознании, в размещении его в той ячейке памяти личности и кода цивилизации, к которой это имя собственное принадлежит. Переключение лингвокультурного кода имени собственного не столь простая переводческая транспозиция, как это может показаться на первый взгляд. Речь идет об очень конкретных вещах.

«Первая и самая элементарная стадия понимания – узнавание, идентификация (отождествление) воспринимаемого предмета» [Гусев, Тульчинский, 1984: 127]. Перевод антропонимов означает включение иностранного антропонима в антропонимическую систему русского языка. При переводе имен собственных нередко возникает серьезная проблема различия культурных традиций перевода антропонимов. Так, польской традиции присущ перевод через полонизацию имени собственного. Для русского перевода характерно стремление к фонетико-фонематической близости имени в оригинале и в переводе. При этом при переводе с польского языка проблема понимания антропонима и его включения в антропонимическую систему русского языка стоит достаточно остро, а именно: чтобы понять, нужно исключить перевод исторических имен по внутренним формам. Внутренняя форма имени собственного понимается при этом как погруженность в ложные ассоциации, связанные с каким-либо именем собственным, ошибочно отсылающие к каким-то знакомым именам, за которыми кроются совсем другие имена и другие языковые ареалы. Так, например, увидев имя Jan ‘Ян’, являющееся самым частотным польским именем, самым распознаваемым, как бы автоматически отсылающим к польскому этносу и польской лингвокультуре, первой реакцией неискушенного переводчика является «переключение» имени через транслитерацию с латиницы на кириллицу и только. Между тем имя Ян является элементом целого ряда имен известнейших

исторических личностей всей Европы, а отнюдь не только Польши (Польши, конечно, тоже (в этом ряду, к примеру, имя польского короля Яна III Собеского)). Имя Ян может отсылать к имени португальских королей, звучащему по-русски подобно оригиналу как *Жуан* (ср. Жуан I Великий, Жуан VI). Оно же отсылает к испанскому королевскому имени Хуан. Оно же – имя английского короля Иоанна Безземельного – Jan bez Ziemi, французского короля Иоанна II Доброго – Jan Dobry. Этим именем охвачены и другие известные люди некоролевских кровей – такие, как Жан Жак Руссо – Jan Jakub Rousseau, король венского вальса Иоганн Штраус – Jan Strauss, Иоганн Себастьян Бах – Jan Sebastian Bach. Итого, польское имя *Ян* выступает как общее имя для таких иностранных имен, как Жан, Жуан, Иоанн, Иоганн, Хуан, Ян, принадлежащих разным языковым ареалам, эпохам и стилистическим регистрам. Конечно же, эти имена можно идентифицировать путем поиска в энциклопедических изданиях (см., напр.: [PE A-Z]). Однако переводчик текста должен быть готов к такому энциклопедическому поиску.

И таким образом, польское всеобъемлющее (можно сказать, «зонтичное») имя Ян в русскоязычном ареале распадается на ряд других имен – соответствующих фонетико-фонологическому облику имени в языке оригинала (Жан Жак Руссо) или ранее сложившейся традиции (Иоанн Безземельный).

Не только имя Ян является всеохватным, но и целый ряд других распространенных польских имен – таких, как Ежи, Кароль, Якуб... За этими именами стоит длинный ряд исторических личностей из разных уголков земного шара. На фоне сопоставления с русским языком эти польские имена как бы в обобщенном виде «вбирают в себя» целый ряд иноязычных имен, которые по своей форме в русском языке дифференцированы по языковым ареалам их происхождения. Так, например, książę Karol означает нашего современника *принца Чарльза*, а имя *Ежи* в русскоязычном ареале может предполагать *Юрия Долгорукого*, *Георгия Победоносца*, *Георга VI* (короля Англии) и многих других исторически значимых людей и просто наших современников (см. подробнее: [Кульпина 2013]). По-своему звучащее в

польском ареале имя *Jerzy Czarny* (букв. 'Ежи Чёрный') является именем сербского короля *Кара-Георгия*.

Проблемы ономастики на материале близкородственных языков формируют целые типажи ошибок. Ряд из них привязан к публицистическим типам текстов. Так, например, слово *Sojusz* не является сокращенным названием Советского Союза, но Североатлантического альянса (польс. *Sojusz Północno-Atlantycki* (букв. 'Северо-Атлантический союз'), то есть . НАТО..

Рассмотренные здесь типы ложных «отсылок» внутренней формы, можно сказать, лежат на поверхности и достаточно выпукло демонстрируют проблему. Тем не менее, они являются постоянным источником переводческих недоразумений, получивших, увы, вполне печатно зафиксированные очертания. В то же время ложные «прочтения» внутренней формы слова имеют в «переводческом нарративе» и менее наглядные и разительные проявления, однако от этого они не становятся менее опасными с точки зрения постижения смысла текста. В любом случае, проблемы обращения при переводе к внутренней форме слова имеют место, они чреватые серьезными коммуникативными сбоями, а потому заслуживают отдельного анализа и отдельной оценки, на что и хотелось бы обратить внимание коллег.

ЛИТЕРАТУРА

Гарбовский Н.К. Теория перевода. Москва: Издательство Московского университета, 2004. 544 с.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Перевод с нем. и с предисл. Г.В. Рамишвили. Москва: Прогресс, 1984. 400 с.

Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблемы понимания в философии: Философско-гносеологический анализ. Москва: Политиздат, 1984. 192 с.

Кульпина В.Г. Очерки по ономастическому переводу и лингводидактике. Warszawa: BEL Studio, 2013. 160 s.

Понимание в коммуникации. Сб. ст.: В 2 т. / Сост. и автор предисл. Е.Г. Борисова. Москва: МГПУ, 2009.

Сидорова Л.Н. Интерпретация как один из способов понимания (на материале юридических текстов). Москва: Компания Спутник, 2008. 166 с.

СЛОВАРИ

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.; ил.

НОС – Новый объяснительный словарь синонимов. 2-е изд. / Под общ. руков. Ю.Д. Апресяна. Москва; Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2004. 1488 с. (Studia philologica).

ПРОС – Кульпина В.Г. Польско-русский общенаучный словарь / Отв. ред. В.А. Татаринов. Москва: Московский Лицей, 2007. 304 с. . .

PE PWN – Popularna Encyklopedia A-Z. Kraków: Kluczyński, 2002. 1154 s..

Partial understanding of educational text connected to inner form use

Valentina G. Kulpina

Problems of educational texts' understanding rather often are connected to text's reception on the basis of inner form and by associations of words, but not by their actual meanings. It is useful to pay the particular attention to some language appearances from the point of view of undesirability of its reception on the basis of inner form. Among the language appearances describing in the article are scientific terms, some grammatical constructions and personal names. These classes are presented as examples of translation's difficulties.

Key words: text understanding, educational text, inner form, translation, Russian language, Polish language.

Кульпина Валентина Григорьевна, доктор филологических наук, звание: доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, должность: доцент, электронный адрес: vgrkulpina@mail.ru